

Вади́и Бартаи́
Врата бога
Ашшур в гневѣ

Часть первая

18+

Вадим Барташ

**Врата бога. Ашшур в
гневе. Часть первая**

«Автор»

2021

Барташ В.

Врата бога. Ашшур в гневе. Часть первая / В. Барташ — «Автор»,
2021

От романа этого не оторваться, потому что он отличается захватывающим и динамичным сюжетом, и повествует о последнем периоде существования Ассирийской империи. VII век до нашей эры. Век жестокий и очень драматичный. Но даже в этом веке люди любили, дружили и мечтали.

© Барташ В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	19
Глава четвёртая	25
Глава пятая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вадим Барташ

Врата бога. Ашшур в гневе. Часть первая

Предисловие

Дорогой читатель, мне приятно, что ты обратил внимание на моё творчество. Это уже Первая часть Второй книги исторической трилогии «Врата бога», которая называется «Ашшур в гневе». Повествование моё продолжается и постепенно приближается к кульминации. В нём вместе со старыми появляются и новые герои, и они тоже по большей части личности исторические.

Во Второй книге этого романа на передний план выходит противостояние между двумя сводными братьями- Ашшурбанапалом и Шамаш-шум-укином. И это противостояние накаляется до такой степени, что зревший уже давным-давно нарыв окончательно вскрывается и Ассирийскую империю охватывает пожар Гражданской войны.

Война эта продлится не один год и потрясёт до основания Ассирийскую империю. Она будет сверх ожесточённой и затронет большую часть Ближнего Востока. И неизбежно эта война приведёт к неисчислимым жертвам.

И ещё...Маленькое отступление.

Один из главных героев этого романа имел своего исторического прототипа, однако у него сложно произносимое имя- Набу-бэл-шумате, и поэтому князя по прозвищу Красавчик я переименовал. И он у меня получил имя Набуэль.

Глава первая

А теперь читатель, я хочу всё твоё внимание переключить на страну, находившуюся южнее Ассирии. Мы отправляемся с вами в соседнюю Вавилонию. И вот почему...

Её не считали обычной провинцией. К ней относились всё-таки, как к отдельной стране. Со своей богатой культурой и развитой экономикой. Но при Саргонидях права её начали постепенно урезаться. Особенно это стало заметно в правление Синаххериба. И это не могло не вызвать среди вавилонян раздражение, которое уже вскоре начало выливаться в протесты. Они по началу были редкие и неорганизованные, но так было только на первых порах...

Я уже писал, почему Набу-ката-цабат стал продвигать идею о независимости Вавилонии, и почему этой идеей он в итоге заразил зятя. Однако тут требуется и ещё некоторое пояснение...

Об этом практически никто не был осведомлён, но за спиной не в меру прыткого визиря вырисовывались ещё две фигуры. И о них я не могу умолчать, а обязан обязательно рассказать. Потому что это были две очень значимых персоны. Это были две самых могущественных вавилонских семьи - Нагибу и Мурашу. О них я ранее вкратце упоминал. И я также не случайно их сравнивал с нынешними Ротшильдами.

Ротшильды древности, Нагибу и Мурашу, из мелких торговцев за два века поднялись на самый верх финансового успеха. Им теперь принадлежало множество доходных домов в Вавилоне и в других городах, обширные сельскохозяйственные латифундии, на которых были задействованы тысячи рабов, различные торговые компании, ремесленные мастерские, производившие буквально всё, и много-много ещё чего. И эти олигархи древности никогда не действовали в открытую, однако им было очень выгодно, чтобы Вавилония приобрела настоящую независимость и перестала подчиняться Ассирии, и поэтому они щедро профинансировали Набу-ката-цабата. Ну а от финансовых вливаний в старого пройдоху всё и завертелось...

Впрочем, даже Шамаш по началу об этом не догадывался. Конфиденциальность в этом вопросе соблюдалась строжайшая.

Нагибу и Мурашу, как и современные Ротшильды, нигде и никогда не любили засвечиваться.

Как тогда, так и сейчас, действует железное правило: «Большие деньги любят власть. А ещё они всегда предпочитают тишину».

Набу-ката-цабат, тесть Шамаша, давно превратился в незаменимого человека для царственного родственника, и тот постоянно обращался к нему за поддержкой и советом. В присутствии этого вельможи Шамаш-шум-укин как-то держался, однако, стоило визирю на какое-то время его покинуть, и особенно если это он делал надолго, то сводный брат Великого царя мог и сорваться. И тогда он нередко впадал в депрессию. И вот, как только Набу-ката-цабат выехал в Приморье, на встречу с халдейским князем, чтобы его перетянуть на свою сторону и завербовать, так Шамаш тут же заперся у себя в покоях и ушёл в новый загул.

Он вновь начал пить. Пил он неразбавленное вино и при этом почти ничего не ел. Его в очередной раз охватила горечь оттого, что он по-прежнему был лишь номинальным правителем в Вавилонии, и важнейшие решения по-прежнему принимались не им, а спускались в виде распоряжений из Ниневии. А ведь он считался царём! Но тут определяющим словом являлось слово «считался». Он не был им, а только им считался. И это его не то что не радовало, а очень угнетало. Так что, он зря прикладывался в праздник Нового года к руке скульптуры бога Мардука, и это всё оказывалось на самом деле фикцией?! Как же было трудно это Шамаш-шум-укину выносить!

Он и сейчас, по прошествии стольких лет, помнил всё, что было раньше с ними.

Шамашу выпало счастливое и безоблачное детство, и он почти до семнадцати лет не сомневался в том, кому достанется царская тиара и кто воссядет на трон в самом роскошном в мире Северном дворце после ухода отца.

У Асархаддона поначалу родилось три сына от разных жён, однако старший, Син-надин-апал, которого уже успели объявить наследником, сошёл с жизненного пути достаточно рано и неожиданно, и из двух оставшихся Великий царь явно предпочитал Шамаша. И Шамаш-шум-укин поверил в то, что именно он является избранником судьбы и не упускал случая поиграть на нервах младшего сводного братца, и постоянно его задирал и обижал. А тот поначалу был стеснительным и каким-то уж очень робким, и можно даже сказать в каком-то роде даже забытым.

И это Шамаша только раздражало.

Шамаш обзывал Ашшурбанапала «тютей», «слизняком» и «маменькиным сынком», а случалось и так, что его и поколачивал.

Вообще в ранние годы Шамаш с младшим братом не церемонился, и тот частенько ходил с синяками, как какой-нибудь простолюдин после уличных мальчишеских разборок.

Но вот Шамаша настигла чёрная полоса, когда боги отвернулись от него. За три года до своей неожиданной кончины отец, поддавшись давлению со стороны проклятой Накии, вздумал поменять завещание и объявил наследником уже Ашшурбанапала. И для многих при Ниневийском дворе это прозвучало, как гром среди ясного неба.

Но больше всего это поразило самого Шамаша.

Сторону Ашшурбанапала заняла не только могущественная царица-мать, но и учитель царевичей, учёный Набуахиариба, а также главнокомандующий армии, туртан Набушарусур, которого на сторону младшего наследника перетянула всё та же неугомонная Накия, и под их влиянием многие представители высшей знати, включая практически всех губернаторов (за исключением тех, кто тогда заправлял в Вавилонии и в некоторых окраинных владениях), переориентировались и рьяно поддерживали сына ассирийки Эшархамат, ну а вот тех, кто по-прежнему держался за Шамаша, оказалось явное меньшинство, и они не имели особого влияния, и рассчитывать им было не на что.

В итоге Шамаш-шум-укин, так и не ввязываясь в драку, проиграл. Проиграл «тютхе» в чистую.

После этого ему пришлось резко поменять своё поведение и подлаживаться под более удачливого сводного братца, которого с этого момента он возненавидел ещё больше, хотя теперь внешне вёл себя по отношению к нему подчёркнуто лояльно. Так посоветовала Шамашу его мать.

Постепенно многие детские обиды забылись, братья внешне сблизились и, казалось бы, даже превратились в друзей. Шамаш постоянно околачивался при дворе и не упускал любую возможность, чтобы продемонстрировать свою преданность везунчику. В итоге дело дошло до того, что когда встал вопрос о том, а выполнять ли завещание отца и передавать ли Шамашу Вавилонию или же этого не делать, то, вопреки мнению царицы-матери и своего учителя, Ашшурбанапал на этот шаг всё же пошёл.

Он выделил Шамашу в управление обширную область в Южной Месопотамии со столицей в Вавилоне.

С первых дней по прибытии в Вавилонию Шамаш-шум-укин деятельно занялся обустройством своей вотчины. Однако хотя его матерью и была вавилонянка, но он никогда прежде долго не проживал в так называемой столице Мира, и для укоренения в ней ему нужна

была опора, то есть люди, на которых он мог бы положиться. И тут прежде всего ему очень помог тесть, отец старшей жены, которая Шамашу непрестанно и почти что каждый год рожала.

Этот тесть оказался ценным кадром. Вскоре заслуги его оценили, и потомок древних царей из Касситской династии, поддерживавший связи с местной аристократией, с которой он был на короткой ноге, удостоился высшей должности. А эта должность при дворе не только хотя бы отчасти удовлетворила амбиции Набу-ката-цабата, а ещё и окончательно сделала его правой рукой нового царя. Именно этот новоиспечённый визирь подсказал Шамашу, что для завоевания расположения жречества тому необходимо объявить официальным языком Вавилонии, наряду с аккадским, древний шумерский, на котором до сих пор проходили службы в местных храмах. И он помог наладить родственнику тесные отношения с высшими слоями вавилонского общества, а также с крупными финансистами и купцами.

У тестя были давние и прекрасные отношения со многими местными сверхбогатеями. И именно благодаря тестю эти толстосумы, то есть представители вавилонского финансового олигархата, в той или иной мере стали поддерживать Шамаша. Впрочем, многие из них ещё не знали, как далеко распространялись амбиции этого обиженного Саргониды.

И так, Шамаш-шум-укин постепенно начал претворять в жизнь свои планы (и, между прочим, не только свои), но на первых порах он действовал крайне осмотрительно, чтобы ни в коем случае не вызвать ни малейшего подозрения у своего брата. И он мирился с тем, что ему часто указывалось на его настоящее место. Ведь даже, казалось бы, такие мелкие вопросы, как проведение тех или иных общественных праздников, или ремонт обветшавших стен, или переустройство некоторых храмов ему приходилось согласовывать с Ниневией или с представителем Ашшурбанапала на месте.

И Шамаш знал, что за ним и за близкими ему людьми ведётся слежка. Ведётся неусыпно и постоянно.

Впрочем, Ашшурбанапал продолжал поддерживать сводного брата и в это время. Он выделял ему достаточно средств на обновление важнейших вавилонских святилищ (Эсагилы в Вавилоне, того же храма Эбарра в Сиппаре или храма бога Энлиля в Ниппуре, и других), а после вторжения в Вавилонию предшественника Теумана, Великий царь наконец-то разрешил Шамашу завести пусть и небольшую, но свою армию. И даже помог её вооружить, используя для этого ассирийские государственные арсеналы.

Так что не всё так плохо было в отношениях между Вавилонией и имперскими властями, однако Шамаша его зависимость от Ниневии всё больше угнетала.

Он откровенно тяготился ею.

Набу-ката-цабат вернулся из Приморья в приподнятом настроении, так как всё, что он задумал, ему удалось осуществить.

Князь Набуэль разумеется поначалу колебался и даже попытался артачиться, но затем он вынужденно принял сторону Шамаша и его визиря, и у заговорщиков появился новый немало-важный союзник на заднем дворе, который мог связать руки сидевшему в Уре наместнику. Тесть Шамаша даже уже согласовал с князем первые их совместные шаги против великана Бел-ибни.

Теперь, как надеялся визирь, положение заговорщиков в Южной Месопотамии значительно укрепилось, и верный Великому царю великан, управлявший Уром и Уруком, оказывался зажатым со всех сторон. По существу, если бы не удалось то, что сейчас провернул ушлый визирь, то тогда бы ни о каком восстании нельзя было бы и мечтать в ближайшее время! Всё было бы зыбко.

Рисковал ли Набу-ката-цабат, когда предпринял шантаж Красавчика? В определённой мере да. Однако итог его шантажа оказался положительным, и визирь уже не сомневался в

халдейском князе. Ему теперь отступать было некуда. Всё было правильно и точно просчитано! И дало свои результаты. А победителя, как известно, не судят.

Когда визирь появился в вавилонском царском дворце, ему доложили, что Шамаш-шум-укин приболел и никого не принимает.

«Ну я-то знаю, что у него за болезнь!» – подумал про себя визирь и уже вслух произнёс: – У меня неотложное дело! Я должен немедленно увидеться с царём!

И евнух, охранявший покои Шамаша, вынужденно отступил и открыл перед визирем тяжёлые дубовые двери. После чего вслед визирю низко поклонился. Как будто именно тот являлся его истинным хозяином.

Набу-ката-цабат вошёл к Шамашу. Он опять застал нетрезвого зятя, да ещё и в кампании стаи юных наложниц. Те были совершенно обнажёнными и всю старались Шамаша обиходить и удовлетворить его разыгравшуюся похоть. Девицам было лет по десять-двенадцать, но у них уже имелось то, за что можно было подержаться. Одна из них уселась на царя в области живота, а две других его облизывали, и ещё двоих он усердно ласкал за филейные части.

Царь Вавилонии был окружён сейчас этими девицами, как некая субстанция в жаркий день бывает облеплена мухами.

– Кы-ы-ыш! Пошли во-о-он, потаскухи! – прогнал развязных девиц визирь и уже недовольно обратился к зятю: – И когда ты закончишь со своим пьянством и развратом? В таком состоянии не делаются великие дела! Ты попусту растрачиваешь время и свои силы!

– Ну а что, мы уже готовы к этим великим делам? – усмехнулся Шамаш и потянулся к кубку с вином.

Набу-ката-цабат отодвинул кубок от Шамаша и не дал ему его осушить.

– Хватит пьянствовать! Я привёз хорошую весть!

– Моего сводного младшего брата хватил паралич или он свалился с колесницы и, наконец-то, свернул себе шею? – криво усмехнулся Шамаш-шум-укин.

– Пока нет! Но, скорее всего, паралич настигнет тебя, если ты по-прежнему будешь так себя вести! Слушай меня, зять, если ты ещё это можешь делать...

– Я? Могу.

– Ну хоть это ты можешь ещё, – хмыкнул визирь и продолжил. – Так вот, мне удалось заручиться поддержкой Набуэля, и он поддержит нас в нужный час!

– Он действительно заверил тебя в своей поддержке?!

Визирь протянул зятю табличку.

– Во-от, посмотри... Я не благодушный простак, чтобы на слово кому-то верить! Я заставил его кое-что написать и на написанном поставить свою личную печать! И если эта табличка попадёт в руки к кому следует, да к тому же Великому царю, или к его цепному псу, к Главному глашатаю Ишмидагану, то Набуэлю несдобровать... Его тотчас же четвертуют... Или посадят на кол! Так что он с нами. И с нами он будет теперь до конца! Ему теперь ну куда не деться...

В этой табличке было написано, что князь Набуэль не только дал приют сбежавшей из Ниневии лидийке, но она ещё и живёт теперь с ним, причём как его законная жена.

Шамаш-шум-укин прочитал табличку и стал понемногу приходить в себя:

– А что, и впрямь лидийка, посмевшая отвергнуть Великого царя трижды, теперь прячется у князя? – переспросил Шамаш.

– Это она! Я же видел её собственными глазами! Как тебя сейчас!

– И это та самая лидийка, которая дерзнула сказать Ашшурбанпалу нет... при этом, как никакая другая женщина, жестоко унизив его. И теперь она жена Красавчика?

– Именно! Она стала Набуэлю женой...

– Ха-а-а! Ха-ха-ха! – нервно рассмеялся начавший понемногу трезветь Шамаш. – Ну этот князь и отчаянный малый! Да, пожалуй, не-ет! Я бы сказал, что он совершенно безрассуден! Как будто у него семь жизней!

– Вот-вот! Тут, зятёк, я с тобой спорить не стану, – откликнулся визирь.

– И у него уже нет выхода, как только следовать за нами! И он будет с нами. До конца! – заключил свою мысль окончательно протрезвевший Шамаш-шум-укин.

Глава вторая

Мне сложно пересказывать во всех подробностях то, что пережил князь Набуэль после того, как у него состоялся неприятный разговор с глазу на глаз с тестем вавилонского царя. Всё-таки сия чаша его не миновала. То, чего так опасался Красавчик, произошло. И он оказался на крючке и вынужденно стал марионеткой, выполнявшей уже чужую волю.

Набу-ката-цабат действовал уверенно и напористо, и ему явно заранее было известно про главную тайну халдейского князя.

А могли ли события сложиться как-то иначе? Да, вполне!

Но для этого Набуэль должен был не связываться с лидийкой. Однако он не смог устоять. Он влюбился в неё. Влюбился, как какой-то мальчишка. Влюбился и как в женщину, и ещё как в поэтессу. И он так и не смог сохранить хладнокровие перед её чарами, и тем более перед её необыкновенным талантом. Есть в жизни что-то посильнее, чем обычный страх или благоразумие. Но теперь в случившемся он должен был винить не кого-то, а только себя!

Вавилонский визирь оказался чрезвычайно ушлым типом, он всё рассчитал: и князь уже должен был выбирать между немедленной расправой над ним или ещё мог надеяться на то, что заговор сводного брата Ашшурбанапала окажется успешным, и тогда у него, у Набуэля, и у его возлюбленной, не только появлялась бы надежда спастись, но ещё при этом князь мог стать и независимым правителем Приморской области. Как когда-то ими были его предки.

Конечно, можно было ещё надеяться и на заступничество Накии-старшей, тем более Набуэль давал и ей личную клятву, что будет верно служить Великому царю и Ассирийской империи, но теперь и она вряд ли бы его защитила. Если бы пришёл в ярость Ашшурбанапал, то его никто бы не остановил. Даже та же Накия! И тут не помогли бы и сами великие боги!

Ну и что ему было после всего этого делать?

Не без затруднений, но Набуэль всё же сделал свой выбор и вынужденно присоединился к заговорщикам. То есть, князя заставили против его воли стать клятвopеступником.

Однако оставлять Амматтею на материке теперь было вдвойне опасно и безрассудно, и тогда Набуэль решил её переправить на остров Дильмун, который входил в состав Приморья, но лежал далеко к югу от побережья, в глубине моря, и был труднодоступным. Впрочем, для начала следовало переговорить с Амматтеей, чтобы она согласилась перебраться на этот остров.

Красавчик отложил все дела и вызвал к себе Варлаама, то есть заgrimированную под юношу лидийку. Когда Амматтея и Набуэль остались одни, князь сразу же признался любимой, что её раскрыли.

– Кто?! – испуганно переспросила Амматтея. Она и так отличалась природной бледностью, но сейчас на глазах переменилась, став блее стенки.

– Визирь вавилонского царя, который недавно навевдывался в Приморье. У тебя, как назло, в самый неподходящий момент слетел парик, и он тебя узнал. По твоим волосам. У тебя же очень редкого цвета волосы. Золотые... Ну и на лицо ты всё-таки больше похожа не на юношу, а на девушку.

– А-а, это тот жирный и наглый твой гость, который похож был на вавилонянина? Он так меня сверлил своими масляными глазками... А ещё один глаз у него косил... Чуть-чуть. Он мне сразу не понравился. Этот вавилонянин, мне показалось, что очень уж развязно себя повёл с тобой, любимый.

– Тебе правильно показалось. Да, это был он. Это был визирь вавилонского царя, и одновременно тесть Шамаша.

– И как нам теперь быть? Вавилонянин нас выдаст Ашшурбанапалу?

– Я думаю, не выдаст.

– Ты в этом уверен, дорогой?

– Я ему и его зятю необходим. Однако мне пришлось взять на себя кое-какие обязательства, которые для нас не менее опасны. Ну что теперь сетовать о них? Будем молиться, чтобы боги нас не оставили и хоть как-то нам помогли! А тебе, любимаяюю тебе придётся покинуть Дур-Халдайю!

– Покинуть Дур-Халдайю?

– К сожалению.

– Но я не хочу быть опять в разлуке с тобой! – расстроилась лидийка. – Ты же сам сказал, что этот вавилонянин нас не выдаст! Так почему я должна тебя покидать?

– А если ещё кто-нибудь в тебе признает, что ты не юноша, а сбежавшая от Великого царя лидийская поэтесса и не состоявшаяся его жена?

– Ты считаешь, что другого выхода у нас нет?

– Да, я так считаю! Пока что другого нет. Ты же знаешь, что тебя повсюду по-прежнему ищут ищейки Ишмидагана.

– Ну, хорошо, – сдалась лидийка. – Но ты будешь навещать меня на Дильмуне?

Набуэль притянул к себе Амматтею и поцеловал её, а она буквально растворилась в нём.

– Ну так что? – повторила вопрос Амматтея. – Я ведь долго в разлуке с тобой не смогу находиться!

– Любимая, – вздохнул князь, – скажу тебе честно: до Дильмуна от Дур-Халдаи плыть три дня, так что видеться мы будем редко, не чаще одного раза в три-четыре месяца. И это при лучшем раскладе. А то я буду посещать остров и ещё реже.

– Ну тогда я никуда не поеду! – тут же вспыхнула и заупрямилась Амматтея.

– Не упрямясь! Это придётся сделать! – и чтобы хоть как-то примирить с этим решением любимую, Красавчик взял её на руки, вновь притянул к себе, и они отдались своему чувству.

Амматтея никогда ещё не испытывала такого наслаждения от близости со своим суженым. Раз за разом она дарила ему себя, и за это он был не только необыкновенно пылок, но и очень нежен.

Дильмун (а это нынешний Бахрейн, лежавший в Персидском заливе, поблизости от восточного побережья Аравии) стал известен в глубокой древности. О нём знали ещё шумеры за три тысячи лет до описываемых событий. В их представлениях он являлся родиной всего человечества и колыбелью, в частности, шумерской цивилизации. В героическом эпосе о Гильгамеше Дильмун фигурировал как место обитания Зиусудры – единственного человека, спасшегося от Всемирного потопа, и к которому после смерти своего друга Энкиду приплывает Гильгамеш, чтобы выяснить секрет вечной жизни.

Через этот остров проходил самый первый торговый путь, связавший шумерские города-государства с индийской цивилизацией Хараппы, которую шумеры называли Мелуххой. Дильмун оставался важным центром международной морской торговли и после ухода шумеров со сцены, и продолжал уже связывать вначале Аккадское, а затем и Вавилонское царство с индийскими государствами.

Сейчас Дильмун являлся составной частью халдейского Приморья и считался крайней южной областью, входившей в состав Ассирийской империи. Столицей острова являлся небольшой городок Аваль, выросший на северном побережье Дильмуна. Он был почти точной, ну может быть только чуть уменьшенной копией Дур-Халдаи.

В полдень третьего дня смотрящий на финикийской триреме «Баал» истошно завопил:

– Я вижу берег!

Все, кто был свободен на триреме, и кто находился сейчас на её верхней палубе, сбегались к носу корабля и стали высматривать землю. Вскоре её уже увидели многие.

– Это Дильмун? – спросила Амматтея стоявшего рядом с ней капитана триремы, борода-того финикийца Абимильката, являвшегося доверенным человеком Набуэля.

Тот кивнул головой:

– Он самый. Вскоре мы войдём в гавань Аваля, столицы острова.

Трирема Абимильката примерно один раз в два месяца курсировала между Приморьем и Дильмуном и доставляла на него с материка различные грузы и почту. В этот раз помимо них Набуэль велел финикийцу доставить в Аваль и своего родственника, юношу Варлаама, что Абимилькат и сделал. В порту их ждал наместник Дильмуна, подчинявшийся князю, дядя Набуэля. Этого родственника звали Намтаром.

И Абимилькат, и Намтар были всецело преданы князю, однако он всё равно пока решил держать и от них в тайне, кем же являлся на самом деле Варлаам.

Амматтея, загримированная под юношу, вручила Намтару табличку, послание от возлюбленного, в котором тот попросил дядю создать все условия для жизни их дальнего родственника.

Прочитав послание, Намтар окинул взглядом юношу, сошедшего вслед за Абимилькатом на берег, и спросил:

– А кем ты нам являешься?

– А разве князь в своём послании не написал, уважаемый?

– Написал-то написал! Но я что-то не припомню таких. Ну, ла-адно, тебе выделяют несколько комнат во дворце Аваля. Он, конечно, одно название что дворец, а на самом деле это всего лишь большой и просторный дом в трёх уровнях, но я думаю, тебе там будет удобно. У нас в Авале всё очень скромно, к этому уж привыкай.

– Я надеюсь, что мне на Дильмуне понравится, – ответила Намтару Амматтея. – Я к местным обычаям привыкну.

Намтар в ответ что-то буркнул себе под нос и отвернулся. Он тут же велел одному из слуг показать, где отныне будет жить приехавшая, а сам занялся приёмом груза, который ему доставил на «Баале» Абимилькат.

Я, как и многие, придерживаюсь такого мнения, что Запад и Восток уже изначально разошлись в своём развитии. У них у каждого был свой путь, своя судьба. И на первоначальном этапе Запад сильно отстал от Востока.

В эпоху поздней империи Запад, в понимании ассирийцев, делился на Дальний и Ближний. О первом они мало что знали. Там сравнительно недавно появились государства в Северной Африке, на юге Пиренейского полуострова, в Италии и на Балканах. Наиболее сильным там считался Карфаген. Это была морская и торговая держава, основанная выходцами из финикийского Тира, и сейчас контролировавшая всю торговлю к западу от Сицилии. А на втором месте находилась конфедерация Этрурии, семи этрусских городов-государств. И никто в Ассирии и слыхом не слыхивал о каком-то там Риме. Это был тогда уж совсем небольшой и захолустный городишко, вынужденно подчинявшийся этрускам!

Ближним Западом считались Балканы и Малая Азия.

Этот регион был более-менее знаком ассирийцам и вавилонянам. С ним поддерживались регулярные торговые и прочие отношения. Здесь выделялись греческие города государства, и прежде всего Афины и Спарта, а также Фригия, ну а затем сменившая её Лидия. Но и Ближний Запад был не очень понятен. Прежде всего не понятен был менталитет тамошних людей. А то что не понятно, то по меньшей мере вызывает тревогу.

В понимании ассирийцев и вавилонян на Западе жили по-прежнему варвары. Дикие, неотёсанные и чрезмерно воинственные. Ну а если рассматривать только Малую Азию, то этот

регион на протяжении уже многих лет был всегда беспокоен, однако в последнее время он ещё больше стал занимать Ашшурбанапала.

То, что лидиец Гиг разорвал дипломатические отношения и отказался признавать над собой верховенство Великого царя, сразу же насторожило.

Ашшурбанапал был прекрасно осведомлён о тесных отношениях Гига с новоиспечённым фараоном Псамметихом. Ведь только благодаря присланным Гигом лидийским воинам и греческим наёмникам из Милета и Колофона Псамметих победил всех своих соперников, и этот пронырливый ловкач из Саиса по-прежнему имел очень тесные связи с Гигом. В Малой Азии и в долине Нила складывалась достаточно неприятная для Ассирии ситуация. Ашшурбанапал это видел. И это вызывало у него головную боль. Он понимал, что что-то необходимо было предпринимать. С принятием каких-то решений уже медлить было нельзя. А то скоро будет ещё хуже.

Ашшурбанапал вызвал к себе Ишмидагана.

Главный глашатай уже вскоре предстал перед Великим царём.

Сейчас Ашшурбанапал отложил все документы и поглаживал холку своей любимой чёрной пантеры Лилит и хмуро посматривал на Главного глашатая. Наконец, Великий царь спросил:

– Что ты мне скажешь насчёт лидийца?

Ишмидаган предполагал, что именно этот вопрос ему задаст повелитель, и поэтому к нему подготовился.

Ишмидаган сразу же стал на него бойко отвечать:

– Кажется Гиг пошёл по стопам эламского царя Теумана... Нет, он даже превзошёл его! Он более глуп! И он неслыханно нагл и дерзок! Он помогает всем врагам империи. А ещё он бесцеремонно выставил за дверь твоих послов, государь, и тем самым нанёс тебе серьёзнейшее оскорбление...

– Да, знаю! Мне это и без тебя известно! – оборвал раздражённо Ашшурбанапал Главного глашатая. Ишмидаган невольно наступил на давно образовавшуюся мозоль Великого царя. – Ты мне лучше скажи, что этот наглец предпринимает, и ещё лучше расскажи, что он задумал. Я так полагаю, что он по-прежнему поддерживает связь с ливийцем из Саиса?

– Поддерживает, государь.

– Мда-а-а... То есть... он делает это по-прежнему совершенно в открытую и вызывающе?! И что бы ещё сильнее разозлить меня?!

Ишмидаган подтвердил это, закивав утвердительно головой.

– А Псамметих, о-он... он оказывается, ещё более коварен и неблагодарен, чем я думал, – продолжил размышлять вслух Великий царь. – Э-эх, Псамметих, Пса-амметих... А ведь когда-то, ещё в ту пору, когда убили твоего отца и ты, чудом выжив, бежал сломя голову от кушитов и укрывался в Ниневии, то постоянно мне клялся в верности и меня называл своим самым близким другом... И мы проводили с тобой много времени... Я не отверг тебя. Я очень многое для тебя сделал! Я даже нашёл тебе и сосватал твою нынешнюю старшую жену! И был у тебя на свадьбе! Ты же почти всем мне обязан! Все-е-ем! Мда-а-а, время часто меняет людей, – сокрушённо заметил Ашшурбанапал и у него из груди невольно вырвался вздох горечи и сожаления. – Надо признать: нередко за добро отвечают злом. Люди неблагодарны. Я в этом давно убедился.

– Я вот думаю... – попытался излагать свои предположения дальше Главный глашатай, но Ашшурбанапал на этом месте его оборвал:

– Подожди! Ты говори мне не то, что ты думаешь, а то, что знаешь! А думать буду я!

Уловив в голосе хозяина заметные нотки раздражения, Лилит приподняла морду и грозно зарычала.

Ишмидаган невольно попятился, но затем взял себя в руки и перестал пятиться. Он продолжил:

– Да, конечно, государь! Наши люди, которые находятся и в Египте, и в Лидии, подтверждают то, что Псамметих по-прежнему постоянно общается с лидийцем. Их сношения идут главным образом морем, через Кипр. Так совсем недавно в дельту Нила вошли ещё девять трирем с греческими наёмниками, которых для фараона нанял Гиг. Всего прибыло тысячу двести греческих гоплитов. В основном завербованных в Спарте. Псамметих явно к чему-то готовится. Но сказать что-то более точно я пока не могу, государь.

– Союз Псамметиха и Гига для империи очень опасен, и его следует любой ценой разрушить! – подытожил доклад Ишмидагана Ашшурбанапал.

– Пока это не удаётся, – ответил Главный глашатай. – Они крепко держатся друг за друга.

– Тогда следует поступить по-другому, – Ашшурбанапал на некоторое время замолчал, было видно, что он что-то начал усиленно обдумывать.

Ишмидаган напрягся. Он переживал, но терпеливо ждал, что же ему на этот раз скажет Великий царь. В такие моменты, когда необходимо было принять важное решение, Ашшурбанапал обращался к Ашшуру. И сейчас Великий царь поднял голову и обратился взором к колыхавшемуся под потолком занавесу на котором было выткано изображение Верховного бога Ассирии, бога войны.

Занавес колыхался, и казалось Ашшур был живой. «Что мне делать? Подскажи?» – обратился своими мыслями к богу Ашшурбанапал. И тут занавес сильно от сквозняка колыхнулся, и Великий царь увидел, как в руках Ашшура ожил лук. «Лу-ук... Лучники!» – и Ашшурбанапала тут же осенило.

Ашшурбанапал прервал своё долгое молчание:

– Я вот что думаю сделать... Кто досаждал Гигу? – сам себе задал вопрос Великий царь, и тут же на него ответил. – Лучники... Киммерийцы! Когда-то Гиг, этот неблагодарный наглец, попросил у меня помощи против них, и я ему помог! Я присылал Гигу два корпуса в помощь, и именно благодаря моим ассирийским воинам он сумел усмирить неистовых кочевников и выдворил их из северных областей своего царства, где они дотоле всё жгли и разрушали! Теперь я натравлю их на Лидию! Готовь посольство к Лигдамису, вождю киммерийцев. Пусть наши послы преподнесут кочевникам золото и наймут их для нападения на лидийцев! Я накажу Гига! И он навсегда запомнит этот урок!

– Повинуюсь, государь! Сколько отправить киммерийскому вождю золота?

– Двадцать пять талантов в самый раз!

Ишмидаган приложил ладонь к груди, поклонился и уже собрался уходить, но Ашшурбанапал задержал его:

– Постой-ка! Я ещё кое-что хочу узнать у тебя.

– Да, государь.

– А что тебе известно насчёт лидийки? Твои люди выяснили, наконец-то, где она прячется?!

Ишмидаган замер. Вот этого-то вопроса он попросту боялся. Ничего нового он по нему не мог сказать. Главный глашатай возлагал большие надежды на лучшую свою ищейку, на Лидайю, но тот, как назло, внезапно запропастился куда-то и уже третий месяц не подавал о себе знать. Он как будто в воду канул (а на самом деле так и произошло, потому что люди визиря Набу-ката-цабата лучшую ищейку Главного глашатая просто-напросто утопили в море).

У Ишмидагана на руках был только донос насчёт Красавчика, губернатора Приморья. Но это был самый обычный донос, каких в канцелярию Главного глашатая поступало по несколько сотен ежедневно. Не дождавшись результата от Лидайи, Ишмидаган направил в Приморье ещё нескольких своих людей, однако они так ничего и не смогли разнюхать. Если бы за Красавчиком не стояла царица-мать Накия, Ишмидаган знал бы, что ему сделать и он бы не церемо-

нился... Однако Накия буквально связывала его по рукам и ногам. И теперь Ишмидаган не понимал, что же предпринять. И что же сказать сейчас государю.

– Ну, что молчишь? Тебе нечего мне сообщить?! – Ашшурбанапал уже проявлял нетерпение.

– Государь, мои люди сбились с ног, но до сих пор следов лидийки так и не отыскали. Хотя есть у меня одна за-а-ащепка... Ещё три месяца назад в канцелярию поступил донос насчёт того, где может прятаться беглянка. В нём утверждалось, что она прячется на Юге Месопотамии, во владениях князя Набуэля...

– Так перепроверьте это сообщение! – резко отреагировал Ашшурбанапал.

– Пока что оно не подтвердилось. Но я продолжу поиск. Беглянку мы обязательно найдём! – пообещал Великому царю Ишмидаган.

Ашшурбанапал ещё хотел о чём-то высказаться по поводу лидийки Амматтеи, но тут в его покои заявились царица-мать и её племянница, старшая супруга Великого царя, Ашшур-шаррат. Обе они были в хорошем настроении и, смеясь, что-то обсуждали. После памятного триумфа в Арбелах, когда Великому царю пришлось провести ночь в храме богини Иштар, где он за долгое время впервые вновь познал свою супругу в качестве жрицы, заменявшей саму богиню, он возобновил с Ашшур-шаррат свои прежде прерванные отношения, и после этого его жена вновь расцвела.

Ашшур-шаррат вспомнила, что она ещё сравнительно молодая и привлекательная женщина, и что ей ещё приятны мужские ласки. А видя, как за последние недели расцвела её любимая племянница, возобновившая свои отношения с Великим царём, пребывала в приподнятом настроении и Накия, так как она всё-таки добилась своей цели. Впрочем, по-иному и не могло быть.

Увидев вошедших к нему супругу и царицу-мать, Ашшурбанапал поспешно оборвал свои расспросы насчёт беглянки поэтессы и отпустил Главного глашатая.

Лилит, отойдя по его приказу в дальний угол, там послушно улеглась и закрыла лапой глаза.

– Дорогой, – Ашшур-шаррат приблизилась к царственному мужу и поцеловала его, – мы тут с тётей обсуждали, какой нашему старшему сынуле сделать подарок, ведь через неделю будет его день рождения. Ты ведь не забыл про этот праздник?

– Нет, конечно, не забыл! – отреагировал поспешно Великий царь.

А Ашшур-шаррат ничего не заметив, продолжила:

– И никак не можем к чему-то прийти. Тётя предлагает одно, а я настаиваю на другом, вот мы и решили привлечь тебя к обсуждению этого вопроса... Может, ты нам что-то подскажешь?

– Я предложила подарить Ашшур-этель-илани красивую и опытную молодую рабыню! – заявила Накия. – А что тут такого?! – упреждая возражения племянницы, заявила царица-мать. – Мальчику через несколько дней исполнится тринадцать – по-моему, ему уже пора становиться мужчиной! Пусть наложница преподаст ему первые уроки любви! Ему следует мужать, а то я вижу, что он по-прежнему играет со своими солдатиками, которые мы подарили ему ещё в детстве!

– А я всё равно против! – возразила Накии Ашшур-шаррат. Она сейчас даже немного от волнения покраснелась. – Я считаю, что Ашшур-этель-илани ещё рано спать с женщиной. Я предлагаю ему подарить колесницу с упряжкой коней! Ну а ты, дорогой, что на это скажешь? Нам хочется услышать твоё мнение...

Ашшурбанапал не сразу вник в то, о чём сейчас спорили Накия и его супруга. Он по-прежнему ещё думал о лидийке. Но вот до него наконец-то дошло, что же они обсуждали, и он им обоим ответил:

– Не спорьте. Вы обе правы! Я бы предложил ему сделать двойной подарок! Ему стоит подарить и колесницу, и молодую опытную наложницу. А ещё я от себя ему тоже сделаю пода-

рок. Пора его назначить офицером в гвардейский полк, и пусть он уже мужает на службе. А то Ашшур-этель-илани растёт действительно слишком изнеженным и заласканным! Парню надо мужать! – и, увидев взгляд супруги, обращённый на него, Ашшурбанапал добавил: – Возражений я не принимаю! Мой старший сын будет служить! Ему уже пора! И я так решил!

– Я тебя поддерживаю! – согласилась с Ашшурбанапалом Накия. – Своего старшего сына ты уже вскоре будешь привлекать к государственным делам, а для этого он обязан пройти вначале воинскую службу, это ему совершенно необходимо.

И под напором тётки и мужа Ашшур-шаррат сдалась.

Действительно, наследник, старший сын Ашшурбанапала, рос чрезмерно обласканным и изнеженным матерью. Необходимо это было пока не поздно исправлять. И поэтому через каких-то семь-восемь дней у него должна была начаться совершенно новая жизнь. Более суровая.

О Вавилоне уже тогда слагались легенды. Порой они были самые фантастические. Для того времени он представлял из себя нечто удивительное.

В VII веке до новой эры город с населением в тридцать тысяч жителей уже считался крупным, а тут по тем временам был просто гигантский мегаполис – он занимал обширную территорию там, где Евфрат сближался с Тигром, и население его доходило до миллиона жителей. Наряду с последней столицей Ассирийской империи – Ниневией, он был самым космополитичным городом той эпохи, и в нём проживали не только коренные вавилоняне, перемешавшиеся между собой потомки шумеров и аккадцев, но и представители десятков других народов, причём не только тех, которые населяли Ближний Восток.

В городе этом было множество лавок, рынков, храмов, всяческих торговых подворий, в том числе даже индийских, карфагенских и нубийских купцов, и на его улицах и проспектах кого только не встретишь? Здесь можно было увидеть рыжих скифов, вертлявых греков, рослых фракийцев или же чёрных, как смоль, и хорошо сложенных мускулистых негров, родиной которых были далёкие земли, лежавшие к югу от Нубии.

Вавилон, казалось, никогда не отходил ко сну.

Шамаш с первого взгляда влюбился в этот огромный человеческий муравейник и теперь не мыслил себя где-нибудь ещё. Живя все последние годы в Вавилоне, он стал постепенно забывать, что по отцу всё-таки ассириец и что он принадлежал к царствующей в империи династии. Теперь он воспринимал себя скорее не ассирийцем, а вавилонянином, ведь его мать была родом именно из этого города и его старшая жена была коренной вавилонянкой.

Набу-ката-цабат появился, как всегда, неожиданно и без предупреждения.

– Пусть боги будут благосклонны к тебе, зятьёк! – поприветствовал вавилонского царя визирь.

Тот кивнул в ответ головой, так и не подняв глаза. Он был сейчас занят. Шамаш сгорбился и в таком положении, не разгибая спины, находился уже несколько часов. Он продолжал просматривать глиняные таблички, целых три корзины которых с утра ему принёс секретарь. Уже целая стопка их лежала перед ним на столе. Прочитанные он помечал сверху и перекладывал по правую руку. А просмотрел он этих табличек уже предостаточно.

У Шамаша закончился очередной загул, и теперь он стал более чем серьёзным.

– Ну и что там у тебя? – спросил его Набу-ката-цабат.

– А-а! Да ничего хорошего, я тебе скажу! – нахмурился сводный брат Ашшурбанапала. – Наши расходы растут, и значительно, и я не знаю, как мы их будем перекрывать, так как поступления от налогов с каждым годом падают. Я сейчас просматриваю отчёты за последние три месяца, и они меня не радуют совсем.

– А я как раз пришёл сообщить тебе, что пора наши расходы увеличивать.

– Ну куда же ещё?! – наконец-то оторвался от финансовых отчётов Шамаш. – У меня и так голова болит, как свести концы с концами! Вскоре во всём себя придётся ограничивать.

– Я дам тебе совет... – ухмыльнулся визирь.

– Ну-у-у... – вяло на это отреагировал сводный брат Ашшурбанапала.

– Разгони свой разбухший гарем, а то он у тебя стал больше, чем у Великого царя! И будет у тебя приличная экономия! – ответил Шамашу его тесть. – Ведь сколько же ты дармоедок при себе держишь?! А нам уже вскоре понадобятся не эти распутные девки, а воины!

Шамаш окончательно оторвался от своих табличек с отчётами и вопросительно уставился на тестя:

– Что ты имеешь в виду?

– А то самое...

– Что, ты считаешь, что уже пора? – невольно весь напрягся Шамаш.

– Да, пора! Тебе, дорогой зятёк, следует увеличивать армию. Время для этого наступило. – Набу-ката-цабат заозирался по сторонам и, убедившись, что никого рядом нет и никто его, кроме Шамаша, не услышит, всё равно по привычке понизил голос почти до шёпота. – Или ты думаешь, что нам двух вавилонских корпусов хватит, чтобы справиться с ассирийской армией, когда мы поднимем восстание и перестанем признавать над собой власть Великого царя?!

– А не рано-ли поднимать нам восстание? Я вот думаю, что...

– Нет, не рано! – оборвал визирь зятя. – Сколько можно уже тянуть? Время настало!

Пора нам действовать...

Шамаш уже тоже почти шёпотом продолжил излагать свои сомнения:

– Ну, хорошо, я сейчас не буду спрашивать, где мы найдём средства, причём совсем не малые, чтобы сформировать целую армию, а вот скажи-ка мне, под каким предлогом мы это сделаем? А ведь это надо сделать так, чтобы мой братец ничего не заподозрил! И чтобы он нам дал добро набрать ещё несколько тысяч вояк!

– Не несколько тысяч, а несколько десятков тысяч, зятёк!

– Ну, да! Несколько десятков тысяч. Тем более...

– Я уже и об этом подумал, – многозначительно усмехнулся тесть Шамаша. – Ты, главное, изыщи для нового набора золота! Ну а мной уже всё продумано... – заключил Набу-ката-цабат.

Глава третья

Зачастую, когда хотели сказать о чём-то очень удалённом и необычном, то для сравнения приводили Дильмун. Он упоминался в том же примерно ключе, как и сейчас мы упоминаем топонимическое полузабытое название «Тьмутаракань».

О Дильмуне Амматтея ещё в Ниневии много слышала, так как уже в те годы об этом острове, как и о Вавилоне, слагалось не мало легенд.

Он являлся самым крупным островом в архипелаге, состоявшем из тридцати трёх островов, лежавших у восточного побережья Аравии. Из всех этих островов Дильмун выделялся размерами, и только он был заселён. А вообще все острова этого архипелага были большей частью ровные как поверхность стола и сложены были в основном из известняка. И только на Дильмуне имелось несколько источников пресной воды. Но, несмотря на то, что их было достаточно много, почти половина острова представляла из себя классическую аравийскую пустыню, плоскую и с очень скудной растительностью.

Впрочем, на Дильмуне были и оазисы. В самом крупном из них, находившемся на севере острова, располагался единственный город на архипелаге, являвшийся одновременно и его столицей.

А ещё Дильмун с незапамятных времён превратился в место захоронения для правителей шумерских городов, а также для их приближённых и жрецов, и до сих пор на нём возвышались десятки тысяч могильных обелисков и курганов – от совсем небольших и до очень внушительных, и возраст самых старых из которых исчислялся, по меньшей мере, тремя с половиной тысячелетиями.

По религиозным представлениям шумеров, чтобы обрести покой и счастье в загробной жизни, необходимо было упокоиться именно на этом острове. Вот и хоронили шумеры всех своих знатных соплеменников на протяжении нескольких тысячелетий именно здесь, на Дильмуне.

И даже уже в описываемое время некоторые богатые вавилоняне, следуя укоренившейся традиции, изъявляли желание быть похороненными на этом острове, так что количество могильников на нём продолжало неуклонно возрастать.

Дильмун давно пережил эпоху своего расцвета, которая пришлась на время существования в Южной Месопотамии шумерской цивилизации. Тогда он являлся связующим звеном в торговле между городами-государствами шумеров и Мелуххой, то есть Индией. Но по мере угасания шумерских государств торговые пути стали смещаться, и к XIV веку до новой эры они окончательно переориентировались с моря на сушу и пролегли по территории Элама. После этого Дильмун как-то уж очень быстро захирел и превратился в глубокое захолустье.

Сейчас этот остров лишь формально входил в состав империи, так как он настолько был удалён от её основных центров, что на нём не было даже постоянного ассирийского гарнизона и редкие купцы из Кальхи и Ниневии посещали его проездом, когда направлялись по своим торговым делам в Аравию или в восточные земли Элама. И совсем уж немного ассирийских купцов торговали напрямую с индийскими государствами через Дильмун, и именно эти купцы и завели на острове своё небольшое подворье. Оно располагалось в северной части острова.

Находясь на Дильмуне, Амматтея впервые за много дней почувствовала себя более-менее в безопасности. Ей здесь нравилось. Особенно она любила выезжать за пределы Авая и теперь часто путешествовала на колеснице по всему острову, с каждым разом всё больше удаляясь вглубь его. Но одно её угнетало – они уже совсем редко виделись с возлюбленным.

Губернатор острова, дядя халдейского князя, только внешне выглядел суровым и мало-разговорчивым, однако на самом деле он оказался простым и приветливым мужчиной, и вскоре

они с ним и его семьёй даже подружились. Он предоставил в распоряжение Варлаама (то есть Амматтеи) одну служанку и юношу-араба по имени Малик, который при лидийке теперь исполнял роль конюха и возничего. Он ухаживал за конями, которые Амматтея получила от Намтара, и ездил с ней по всему Дильмуну. Малик знал остров как свои пять пальцев и знакомил Амматтею с его достопримечательностями. А этих достопримечательностей на острове оказалось немало.

Это были и могильники, и не менее древние поселения, и несколько доисторических и давно заброшенных храмов.

Но на этот раз они особенно далеко отъехали от Аваля и уже ближе к полудню следующего дня достигли южной оконечности острова, где находился самый удалённый от города оазис.

Навстречу Амматтею и Малику вышел старик, опиравшийся на посох. У старика этого всё лицо избороздили глубокие морщины, особенно резкие они были у крыльев носа, и он выглядел совершенно измождённым. А ещё он был тёмным, почти что как нубиец, лысым и его тщедушное тело с выпирающими рёбрами прикрывала только набедренная повязка.

– Это Уту! – пояснил Амматтею Малик. – Ему больше ста лет, так утверждают те, кто его знает, хотя, сколько лет ему на самом деле, даже Уту не может сказать! Он не понимает ни по-арамейски, ни по-аккадски, ни по-халдейски, и говорит исключительно на своём шумерском! И все его считают последним из шумеров. Уту присматривает здесь за древним храмом, исполняет обряды и приносит жертвы богу Ану, главному богу своего уже давно растворившегося в царстве теней народа.

– А ты понимаешь по-шумерски? – спросила Амматтея Малика.

– Да, господин!

– Значит, ты сможешь ему переводить, что я буду говорить?

– Ну, конечно! Я жил в детстве в соседнем селении и часто навещал Уту. Так что я могу с ним общаться, потому что достаточно хорошо знаю его язык.

– Тогда переведи ему, что я рада его видеть и что очень хочу посмотреть храм, за которым он присматривает! Ведь это очень древний храм, и он настоящий шумерский!

Малик перевёл слова Амматтеи и, выслушав, что сказал в ответ старик, обратился к лидийке:

– Уту приглашает тебя пройти в его храм. Он хочет его показать.

Старик, считавшийся последним из живых шумеров, рассказал Амматтею очень много интересного. Из его рассказа следовало, что за храмом бога Ану присматривали ещё его предки, и это происходило на протяжении сорока поколений его семьи. И почти всех своих предков даже с незапамятных времён он помнит по именам, и что некогда в этом храме они были главными жрецами, но это было давно, уже тысячу лет назад, когда остров населяли исключительно одни шумеры. Также Уту поведал, что храм богу Ану возвели четыре тысячи сто семьдесят лет назад, и об этом сохранилось предание, записанное полторы тысячи лет спустя.

Старик провёл Амматтею и Малика к храму, вернее, к тому, что от него ещё сохранилось. Это был полуразрушенный средних размеров трёхступенчатый зиккурат, сложенный из сырцового кирпича. Со всех сторон его обступали финиковые пальмы. В ста шагах от него журчал родник с чистой и всегда холодной водой. Перед главным входом в храм на постаментах возвышались два шедду, то есть два мифологических быка с человеческими головами. Примерно такие же, какие сейчас охраняли ассирийские и вавилонские дворцы и культовые сооружения.

Внутри многое тоже напоминало нынешние месопотамские храмы, и это было неслучайно, потому что и в религии, и в культуре, и особенно в архитектуре шумеры привнесли очень многое в более поздние цивилизации Ближнего Востока, и если уж на то пошло, то они оставили в них свой огромный и неизгладимый след.

Старик зажёл три факела и два из них передал Малику и Амматее. Они прошли в главное помещение, где располагались алтарь и скульптура верховного шумерского бога. Он изображался в виде могучего мужа с рогатой тиарой на голове и с пастушеским посохом в правой руке. Скульптура этого бога была настолько древней, что от времени полностью почернела, а кое-где покрылась сетью трещин и потрескалась.

Амматее с интересом стала рассматривать рельефы на стенах. Они были ещё допотопные, грубо высеченные, с искажёнными пропорциями, и отражали мифы очень древнего и уже давно сошедшего со сцены мёртвого народа. Тут были и боги, и герои, включая Гильгамеша, и его закадычного друга Энкиду, и процессии с жертвоприношениями, и много-много ещё чего на этих рельефах изображалось.

Впервые от старого шумера Амматее услышала и удивительную историю не только про богов. Старик-смотритель храма рассказал, как вообще зародилась цивилизация. Этот его рассказ потряс лидийку.

По словам Уту много тысяч лет назад между Юпитером и Марсом находилась ещё одна планета, которая называлась Нибиру. И вот именно с этой ныне уже не существующей планеты на Землю спустились первые боги. Себя они называли анунаками. Их было всего пятьдесят. Возглавляли их Ану и его жена Анту.

Чтобы спасти свою планету, им было необходимо добыть как можно больше золота. Но для того, чтобы его добывать, в шахтах требовались подневольные работники, и для этого анунаки по своему подобию, но только в меньших размерах, вылепили из глины первых людей и вдохнули в них жизнь. Эти первые люди стали работать на анунаков. А потом из милости к своим подневольным работникам анунаки начали передавать им часть своих сокровенных знаний. Так продолжалось не одно тысячелетие. Но вот однажды, когда пришельцы добыли нужное им количество золота и уже собирались возвращаться на свою планету, случилась катастрофа – Нибиру, по каким-то причинам, взорвалась и рассыпалась на мелкие осколки, а богам-анунакам пришлось навечно остаться на Земле.

Ещё очень много интересного услышала Амматее от Уту. Заночевали они в его хижине, а когда на утро Амматее и Малик засобирались возвращаться в Аваль, Уту преподнёс лидийке несколько глиняных табличек.

– Что это? – спросила лидийская поэтесса через Малика старика.

– Это подарок тебе! – перевёл слова Уту юноша-араб. – Это очень древняя книга. Ей больше тысячи лет. Здесь записано сокровенное. А именно... Как боги-анунаки спустились на Землю, и где они теперь находятся. И пусть здесь всё излагается по-шумерски, но тебе весь текст переведут!

Малик подтвердил, что это ему вполне по силам сделать. И он без промедления переводом этого древнего текста займётся.

Амматее была очень рада подарку и горячо поблагодарила старика. А ещё она оставила от себя пожертвование храму в виде золотого ожерелья и пообещала Уту, что будет хотя бы изредка его навещать.

Я уже упоминал, что вавилонский визирь был хитрым и очень изворотливым типом, редкостным пройдохой, и он умел не хуже Накии манипулировать окружающими его людьми. Он давно изучил зятя и знал все его слабые стороны, и этим теперь всю пользовался.

Заранее приготовившись к разговору, Набу-ката-цабат решил не ходить вокруг да около и сразу пояснил Шамашу, как задумал набрать два корпуса новых воинов и при этом не вызывать никаких подозрений у Великого царя.

– Мы введём новые значительные налоги, а после этого объявим о наборе стражников, – сказал Набу-ката-цабат.

– Что-о-о, стражников?..– ещё не до конца вникнув в хитроумный план визиря, постарался уточниться Шамаш. – А зачем нам они?

– Да, да! Именно стражников! – продолжил визирь. – И сошлёмся при этом на то, что в Вавилоне и в других городах на порядок выросло недовольство черни от вводимых нами новых налогов. То есть, мы, с одной стороны, пополним нашу казну, а с другой, наберём... вот именно, наберём достаточно стражников, но каких?! Это будут стражники необычные, особые. Их будут усиленно обучать воинскому делу. И вооружение для них мы подготовим. В тайне. На отдалённых складах. И когда нам это будет необходимо, то эти стражники быстро превратятся в настоящих воинов. В обученных. В хорошо вооружённых. И по-военному дисциплинированных! Вот так-то, зятёк! Ты теперь уяснил?

– Постой, по-остой! – возразил Шамаш. – Но мы же этими действиями, я имею в виду введением новых значительных поборов, можем сильно настроить против себя вавилонян! А ведь сколько сил и времени я потратил на то, чтобы привлечь их на свою сторону! И что я для этого только не делал? Ну и что, всё теперь пойдёт бродячему коту под хвост?! Ну-у-у, зна-а-аешь-ли, мне этого не надо!

– Э-э-э, послушай же меня дальше... Не волнуйся ты по этому поводу! – возразил визирь. – Я и это предусмотрел! Мы распустим слухи, что нас вынудили ввести новые налоги, так как Ниневия потребовала дополнительных поступлений в главную казну. То есть мы всё недовольство вавилонской черни от введения новых налогов обратим не против себя, а...

– А против Ашшурбанапала?!

– Да! Ну, наконец-то, ты это понял. Всё недовольство будет направлено не против нас, а против Великого царя!

– У-у-ух, ты! – восхитился этому объяснению Шамаш, – А ведь это... А это очень ловко! Я теперь твой замысел, кажется, понял!

– Ну и прекрасно, что ты понятливый оказался! – потёр руки визирь.

– Ловко-ловко! – Шамаш не уставал удивляться изощрённой хитрости родственника.

«О-ох, хи-итё-ёр! Хи-итё-ёр, ты старый пройдоха!» – прокричал попугай Нергал, сидевший в клетке.

– Заткнись! – вскипел визирь. – Когда-нибудь я ему сверну башку! – в ответ рассердился Набу-ката-цабат. Он погрозил попугаю кулаком и Нергал тут же испугано умолк и спрятал свою голову под крылом.

– Теперь ты видишь, что я всё продумал. И повод появляется для набора рекрутов, и наша казна пополнится, и недовольство среди вавилонян в отношении засилья ассирийцев в Вавилонии станет намного большим! Но нам, зятёк, в ближайшее время необходимо сделать и ещё кое-что.

И Набу-ката-цабат нервно застучал костяшками пальцев по подлокотнику кресла.

Шамаш не вытерпел и переспросил:

– Ну, что ты тянешь? Говори же... Что ещё ты там придумал?

Визирь не сразу отреагировал на нетерпение зятя.

Тогда Шамаш, продолжая сгорать в нетерпении, переспросил:

– Продолжай! Ну что ты замолчал?

– Хорошо. Но сначала убери с моих глаз свою глупую и чрезмерно болтливую носастую курицу! Мне она до коллик уже надоела!

«Я не курица! И не носастая! Я Нергал!» – возмутился попугай, высунувший свою голову из-под крыла.

Шамаш распорядился унести клетку с Нергалом в другую залу.

Когда это сделали, визирь продолжил:

– А теперь слушай! Мы уже перетянули на свою сторону губернатора Приморья, и Красавчик будет с нами, однако для нас по-прежнему остаётся угрозой Ур, а точнее заправляющий там великан халдей.

– Я знаю его. Я помню этого халдея ещё по Ниневии, когда он был обычным гвардейцем. Да-а-а, он опытный и смелый вояка.

– Вот то-то и оно! Он для нас будет представлять серьёзную угрозу!

– Его тоже надо обязательно переманить на нашу сторону.

– Э-э-э, не-ет! К сожалению, тут у нас ничего не получится, зятёк. Придётся в отношении Бел-ибни действовать иначе.

– Подскажи тогда, как?

– Я и здесь всё продумал, – ответил Шамаш-шум-укину визирь.

Бел-ибни с утра до ночи занимался делами своей довольно-таки обширной провинции, лежавшей между Вавилонией и Приморьем, и с востока граничившей с несколькими халдейскими и арамейскими княжествами, и только иногда он позволял себе немного расслабиться. Эти редкие дни отдыха он посвящал семье либо охоте.

В то утро Бел-ибни решил с градоначальником Ура Киккией отправиться к ближайшему болоту, чтобы в его камышовых зарослях поохотиться. Киккия пообещал Бел-ибни, что его люди выследят и пригонят к этому болоту семью диких свиней. Старшая сестра Великого царя Ашшурбанапала, супруга Бел-ибни, тоже захотела принять участие в этой охоте. Бел-ибни не стал отказывать Шерруа-этеррит в её просьбе.

Рано утром, ещё на заре, охотники встали. Они взяли снаряжение, проверили луки и стрелы, а также на всякий случай припасли копья, так как дикие свиньи – не безобидные зверушки – и бывают очень опасными, и, сев в колесницы, отправились к месту намечавшейся охоты. Их сопровождали с два десятка воинов, которые вели за поводья запасных коней, так как уже вскоре колесницы пришлось оставить. На них нельзя было добраться до места загона.

Вскоре охотникам пришлось продвигаться уже пешком. Они начали настороженно прислушиваться, ожидая в любую минуту появления зверей.

Киккия хотел для подстраховки к Бел-ибни и Шерруа-этеррит приставить двух воинов, но великан возмутился:

– Что я, с обычными свиньями не справлюсь?! – заявил безапелляционно он.

И Киккия не стал настаивать на сопровождении воинов.

Шерруа-этеррит увязалась с Бел-ибни, а Киккия шёл в паре со своим старшим сыном.

Халдей-великан первым услышал посторонний шум и замер. Он поднял руку, подавая знак супруге, чтобы та тоже остановилась и не шумела. Нельзя было вспугнуть двигавшихся прямо на них диких зверей.

Загонщики били в трещотки и обтянутые бычьей кожей барабаны, раздувая щёки, извлекали пронзительные звуки из дудок и как можно громче кричали, а напуганные дикие свиньи, сломя голову, неслись в сторону болота, ломая камышовые заросли и тревожно похрюкивая.

Бел-ибни отложил копьё, вытащил из колчана стрелу и, натянув лук, прошептал стоявшей поблизости от него Шерруа-этеррит:

– Покрепче держи копьё и не высовывайся, чтобы не оказаться на их пути. Они могут убить от страха. Будь осторожной и находишься постоянно за мной.

Шум всё время нарастал, и уже чувствовалось, что дикие свиньи находились где-то совсем рядом. Сердце Шерруа-этеррит учащённо забилося. Она впервые участвовала в такой опасной охоте, но рядом был её великан, и старшую сестру Великого царя это несколько успокаивало. Уж если взрослые разъярённые львицы ничего не сумели сделать с безоружным Бел-ибни, то дикие свиньи, тем более, являлись для него лёгкой добычей, и он с ними справится без труда.

Вот из зарослей камыша появилась первая свинья. Это оказался огромный самец. У него была перекошенная морда. Бел-ибни тут же выпустил в него стрелу, и зверь, жалобно хрюкнув, завалился на бок. Тут же, в каких-то трёх-четырёх шагах, появилась ещё одна клыкастая особь. И её Бел-ибни ловко уложил на землю. Он так перестрелял уже четырёх зверей. Остальная стая свернула в сторону, и послышался визг детёнышей. Они все мчались уже на Киккию и его сына.

Великан подошёл к самой большой свинье, поражённой им первой. Это был матёрый кабанище, ему, наверное, было лет пять-шесть, и он, по всей видимости, являлся вожаком. Он ещё не испустил до конца дух, и его маленькие чёрные глазки, налившиеся кровью, злобно сверлили Бел-ибни.

Губернатор Ура вытащил из-за пояса кинжал и наклонился, собираясь добить кабана, и тут послышался свист. Сразу несколько стрел вонзились в грудь Шерруа-этеррит, и она, вскрикнув, тяжело и медленно осела.

Бел-ибни едва успел к ней подскочить и подхватил её.

–А-а-а! – сорвался на крик великан. – Кто, кто-о-о это сделал?!

Великан стал оглядываться.

– Не знаю, – прошептала побелевшими губами супруга великана и старшая сестра Великого царя. – Я услышала подозрительный шорох, повернулась и увидела их...

– И-и-их?! Кого их?!

– Их было двое. Они прицелились в тебя, любимый... А я... я тут же метнула в них копье. По-моему, я кого-то из них сумела ранить. И спасла тебя... Они оба выстрелили, и я тебя прикрыла...

Великан Бел-ибни, мужественный воин, впервые в своей жизни заплакал. Потрясённый до глубины души, он заплакал навзрыд.

Глава четвёртая

Бел-ибни осторожно извлёк из Шерруа-этеррит стрелы, затем решительно разорвал на себе льняную рубаху и перевязал раны супруги, чтобы хоть как-то остановить хлеставшую из неё кровь. Затем он на руках отнёс её до колесницы и что есть мочи помчался в Ур. Он не знал, довезёт ли её живой до города. Во дворец наместника тут же вызвали всех врачей, какие нашлись под рукой. Три дня они предпринимали героические усилия, чтобы спасти от смерти старшую сестру Ашшурбанапала и супругу наместника Ура, и только на четвёртый день, собравшись на консилиум, они сделали заключение, что Шерруа-этеррит выживет, но она уже до конца своих дней будет прикована к постели.

Бел-ибни запретил врачам говорить ей об этом.

Наместник каждый день навещал супругу. Вот и в этот раз он пришёл к ней, принёс сладости, охлаждённый сок и любимые её фрукты, яблоки и эламский виноград, который был без косточек.

– Ну как ты? – спросил Шерруа-этеррит наместник.

– Мне уже получше, дорогой! – ответила ему сестра Ашшурбанапала. И тут же, переведя дух, спросила Бел-ибни: – А сколько дней я была в беспомощности?

– Больше двух недель.

– Я бредила?

– Да! Было... Ты бредила немного.

– А брат знает, что со мной произошло?

– Он уже оповещён.

– И что? Он как-то отреагировал?

– Он сильно расстроен. И он прислал двух египтян, лучших врачей при Ниневийском дворе, которые будут месяц за тобой ухаживать, и они же тебя попытаются вылечить.

– Может, они меня поднимут на ноги? – произнесла с некоторой надеждой Шерруа-этеррит, вперив мечтательный взгляд в потолок.

– Я на это надеюсь, – слегка дрогнувшим голосом ответил ей великан.

Лицо Шерруа-этеррит расплылось в счастливой улыбке. Нянька принесла к ней малолетнего Шаррукина. Увидев маму, он протянул к ней ручки. Няня усадила полторагодовалого первенца Бел-ибни рядом с матерью. Шерруа-этеррит попыталась приласкать сынишку, но у неё не хватило сил даже для этого, и Шаррукин заплакал. Его пришлось тут же унести.

Бел-ибни вышел из покоев супруги и тотчас же вызвал к себе Киккию и начальника стражников Шаразара. Оба мужа уже вскоре предстали перед губернатором.

Бел-ибни их обоих спросил:

– Ну, хоть что-то вы выяснили?

– Это было покушение на тебя, наместник. Тебя попытались убить, – первым ответил градоначальник Ура.

– Ну, это мне и самому понятно! – раздражённо заметил гигант. – Но кто это сделал? А вернее, кто направлял руку этих убийц? Вы можете мне сказать?

Шаразар с виду был похож на туповатого и неуклюжего увальня, но это впечатление было обманчивое. В случае чего он мог одолеть и троих нападавших и мыслил он достаточно разумно. Начальник стражников приблизился к губернатору Ура и протянул ему лоскут окровавленной рубахи и пряжку от ремня.

– Во-от... это мои люди нашли в том месте, откуда в тебя, наместник, стреляли. По всей видимости, убийц было трое, и одного из них твоя супруга успела ранить копьём. Там же мы нашли следы крови и часть разорванной одежды. Раненого убийцы унесли с собой. Мы их

сейчас ищем. Впрочем, я уже могу предположить, что, по меньшей мере, один из наёмных убийц был вавилонянином...

– Как вы это определили? – переспросил Бел-ибни.

– Один из загонщиков их тоже видел. Хотя и из далека. Шагов с тридцати. И он утверждает, что один из этих самых убийц приезжал в их деревню. В качестве охранника-телохранителя одного вавилонского купца, – ответил Шаразар.

– А как звали того купца? – взгляд великана впился в Шаразара.

Шаразар развёл беспомощно руками:

– Загонщик так его имя, к сожалению, и не вспомнил. Но он клянётся, что и купец, и его охранник были вавилонянами. И они как-то подозрительно себя вели. Они не хотели привлекать к себе внимание.

Когда Набу-ката-цабат узнал, что покушение на великана-халдея, наместника Ура, оказалось неудачным, он тут же помрачнел. Ему очень не нравилось, когда у него что-то начинало идти не по тщательно разработанному плану. Теперь, после сорвавшегося покушения на Бел-ибни, наместник Ура, несомненно, поведёт себя чрезвычайно осторожно. И устранить его теперь будет очень и очень трудно. Если вообще это возможно будет сделать.

В провале покушения визирь прежде всего винил Беларата. Ему подчинялись стражники в столице Мира. Вскоре перед визирем предстал этот самый Беларат. Взгляд визиря не предвещал ничего хорошего. Набу-ката-цабат долго молчал, и Беларат уже совсем струхнул.

Наконец-то визирь негромко, как бы сквозь зубы, заговорил:

– Ты кому поручил устранить великана?

– Это трое моих самых доверенных помощников. Правда, одного из них смертельно ранили.

– Хм-м... А почему тогда эти люди не справились с порученным им заданием? Почему они его провалили?

– Боги оказались на стороне халдея, – попытался оправдаться Беларат.

– Боги, говоришь?

Беларат закивал головой.

Визирь хотел отругать Беларата и наорать на него, но с трудом сдержался.

Он заложил руки за спину, прошёлся неспешно по залу и остановился прямо напротив начальника стражников. Беларат был почти на голову выше визиря.

Набу-ката-цабат заглянул ему в напуганные глаза:

– Одного из наёмных убийц уже нет в живых?

– Он в царстве теней, господин. Его на полпути из Ура закопали, так что никто его не найдёт.

Указательный палец Набу-ката-цабата упёрся в живот Беларата, а левый обычно косящий глаз замер, и начал чуть ли не в упор сверлить опростоволосившегося подчинённого.

– Двое оставшихся в живых пусть немедленно отправляются вслед за своим недотёпой дружкой! – заявил визирь.

– Но...

Палец визиря ещё сильнее упёрся в живот начальника стражников. Да так, что тому стало трудно дышать. Он даже стал открытым ртом хватать воздух.

– Никаких «но»! – наконец-то сорвался на крик Набу-ката-цабат, и тут же он резко понизил голос. – Сейчас люди великана начнут их искать, а к ним вскоре подключатся и ищейки Главного глашатая, и рано или поздно, но те или другие обязательно выйдут на этих олухов. И если их схватят, то под пытками твои недотёпы наверняка во всём признаются! Они расскажут, кто им приказал убить Бел-ибни, а это значит, будет названо твоё имя!

– Я всё понял, господин! – Беларат приложил правую руку к груди.

– Ступай! И выполняй, что я тебе приказал! Сделай это не откладывая!

Как только удалился Беларат, визирь велел подготовить ему колесницу и отправился во дворец к зятю.

Шамаш уже всё знал. Когда визирь к нему вошёл, то он сразу же обратил внимание на то, что его зять был не просто встревожен, а необычно бледен. Они в зале остались одни. Вавилонский царь выгнал из своих апартаментов даже опахальщика-нубийца.

– Ну и что теперь нам делать? – спросил Набу-ката-цабата Шамаш.

– А ничего страшного не произошло, – ответил встревоженному зятю визирь. – Не стоит паниковать.

– Ты так думаешь?

– Да! Тех, кто не исполнил приказ, уже к вечеру не будет в живых – и тогда все концы в воду! Нас не заподозрят! Я клянусь тебе Мардуком!

Шамаш потянулся к кубку с вином, и на этот раз визирь не стал его останавливать. «Пусть уж заглушит свой страх в винных парах, – подумал про себя Набу-ката-цабат. – А то ишь, от переживаний стал белее стенки! Струхнул родственничек, как пить дать, он струхнул! Ему бы в самый раз сейчас выпить! Главное, чтобы он не ушёл опять в долгий запой! Тогда от него никакого толку не будет... Того и гляди уже окончательно сорвётся...»

Шамашу одного кубка показалось мало, и он налил себе второй. Он старался сейчас не смотреть на тестя. В голову Шамаша лезли всякие мысли. По большей части недобрые и тревожные.

«И что я повёлся на амбиции этого жирного и самодовольного пройдохи? – подумал раздражённо Шамаш. – Жил бы сейчас спокойно и не переживал бы ни о чём! Ну чего мне не хватало? Вот чего? Власти? Да пропади она пропадом уже эта власть, если за неё придётся отдать свою благополучную жизнь! У него же сейчас и так почти всё есть! Тысячи и тысячи рабов, несколько сотен прелестниц-наложниц, готовых в любое время ему во всём угодить, с полтора десятка дворцов, один роскошнее другого, и не только в столице Мира, и весь огромный Вавилон у его ног! Весь! А ещё в его владения входят Опис, Сиппар, Киш и целый ряд других достаточно крупных городов и сотни селений! Ну да, он зависим от младшего брата, но не до такой же степени, чтобы чувствовать себя уж совсем ущербным и ничтожным! Нет, чрезмерные амбиции и тщеславие никогда ни к чему хорошему не приводили! Боги за это всегда наказывают! Тому пример Теуман! Может пока не поздно остановиться? Не переходить черту?»

– Уже поздно, – визирь как будто прочитал мысли зятя. – Отступать нам теперь нельзя! Не с руки нам уже это... Забудь про свои сомнения! Просто будем впредь с тобой действовать намного осмотрительнее.

Появился секретарь вавилонского царя и сообщил, что его аудиенции просит какой-то египтянин, назвавшийся купцом.

– А-а, да не до него мне! – отмахнулся Шамаш.

Однако визирь велел впустить египтянина.

Когда тот вошёл, Набу-ката-цабат сразу определил по его внешнему виду, что это был вовсе и не купец. Прежде всего незнакомца выдавал взгляд. Он у него был цепкий и казалось, что от такого взгляда ничего нельзя было утаить.

Египтянин Шамашу и визирю представился:

– Я Монуэмхет, доверенное лицо фараона Псамметиха. И послан им в Вавилон с особым поручением!

Египтянин преподнёс Шамашу золотую пластину, на которой был выгравирован родовой герб Нехо I, отца Псамметиха. Этот герб был уже широко известен и перешёл ко всем последующим фараонам из египетской XXVI династии.

– Как поживает мой брат, фараон Псамметих? – сразу же смягчил свой тон Шамаш-шум-укин.

– Боги неусыпно проявляют о нём заботу! Всё у него обстоит прекрасно! Правда по-прежнему иногда Египту досаждают правители Нубии, но они уже не так сильны, как раньше, и на юге они теперь не доходят до Фив! Мой господин шлёт тебе привет, царь Вавилонии!

– Благодарю! – откликнулся Шамаш.

– И вот от него подарок, – египтянин вытащил из-за пояса папирус, который был упрятан в кожаный футляр.

– Это письмо? – переспросил Шамаш.

– Это старинный трактат.

– Но я не умею читать по-египетски! – поднял бровь Шамаш. – Да и никто в моём окружении не знает ваше письмо, египтянин! Что в этом трактате? Объясни.

Шамаш-шум-укин этим подарком был удивлён.

– Он написан по-староегипетски! Позволь, государь, я прочту выдержку из него? Мне знакомы староегипетские иероглифы, и я знаю староегипетский язык, – продолжил гость.

Шамаш согласно кивнул головой.

Монуэмхет развернул папирус и начал его читать:

– Фараон Верхнего и Нижнего Египта, а также Нубии, Мероэ и Напаты, а ещё Ливии и Синая, Псамметих, сын Нехо I из Саиского дома, шлёт привет и пожелания процветания своему брату, царю Вавилонии! – Монуэмхет ещё прочитал несколько ничего не значивших предложений и неожиданно перешёл к сути послания. – Мой брат, я могу тебя порадовать! Царь Лидии Гиг заручился поддержкой греческих городов-государств, граничащих с его владениями с юга и запада, и теперь его поддерживают Милет, Смирна, Эфес и семь городов Троады. После того, как Гиг заключил союз со всеми этими государствами, он выдворил послов Ашшурбанапала из своих пределов. Теперь царь Лидии вполне готов к выступлению против Ассирии! Я тоже уже окреп. Я укрепил изрядно свою власть, и теперь мне полностью подчиняется весь Египет! От дельты и до Нубийских порогов! Так что мы, я и Гиг, правители Запада, ждём твоего решения, царь! И если богам будет угодно, то мы выступим совместно, и с Запада, и с Востока, и уже тогда вполне возможно, что, наконец-то, сокрушим мощь Ассирийской империи, и Ниневия падёт к нашим стопам! – Монуэмхет, свернув папирус, вложил его в футляр и передал с поклоном Шамаш-шум-укину.

– Можешь не беспокоиться, государь, то, что я тебе сейчас прочитал, вряд ли сумеют понять кто-либо ещё из египтян. Послание не только написано на староегипетском, но и зашифровано! Прочтешь его могу только я. И суть послания я прочёл.

– Мой брат, фараон, просил передать на словах что-то ещё?

– У царя Лидии Гига готова семидесятитысячная армия для выступления! – продолжил египетский посланец. – У моего господина, фараона Псамметиха I, тоже подготовлена к выступлению такая же примерно армия! Сколько готов царь Вавилонии выставить воинов?

За Шамаша поторопился ответить визирь:

– В Вавилонии уже имеется двадцати пяти тысячная армия, но через три месяца она удвоится! Рекруты набираются и ведётся их усиленная подготовка! Оружие для них мы уже тоже приготовили...

Монуэмхет одобрительно кивнул головой и задал ещё один вопрос:

– А есть ли у царя Вавилонии союзники в Месопотамии и её окрестностях?

– Есть! – вновь ответил за зятя визирь.

– И насколько эти союзники надёжны? – переспросил египтянин.

– На них можно положиться! – постарался уверенным тоном ответить Монуэмхету уже Шамаш. – Я их всех не стану называть, но за этих союзников я могу поручиться! Нас поддержат.

– Я подтверждаю слова своего господина! – произнёс визирь. – Союзников у нас предостаточно! И я даже назову некоторых из них.

– Назовите! – повторил свой вопрос Монуэмхет. – Для фараона Египта это тоже важно. Тех, кто преисполнен решимости и готов выступить против Великого царя, должно быть как можно больше. Я надеюсь, вы это понимаете.

– Ты, конечно же, прав, Монуэмхет, – согласился вавилонский визирь. – Я их назову. Это и как всегда выступающие против ассирийцев и ненавидящие их арабы, – визирь взял на себя инициативу в общении с египтянином. – И арамеи, и ещё кое с кем мы договорились. Они все готовы нас прямо сейчас поддержать!

Шамаш всё это выслушивал и постепенно становился мрачнее тучи. Он только сейчас начинал до конца осознавать, во что же его втянули. «Да у-уж, вляпался он так вляпался! По самую макушку! Это теперь была не детская игра! В этой игре, уже не просто рискованной, а смертельно опасной, на кону выставлялась его жизнь, а также жизнь его семьи, и всех его многочисленных детей... Если что, младший брат, заправляющий в Ниневии, никого из них уже не пощадит!»

Шамашу так захотелось сейчас напиться, чтобы хотя бы на какое-то время он мог отринуть от себя угнетавшие его в последние дни тревожные мысли.

И лишь только египтянин покинул царские апартаменты, так тотчас же Шамаш-шумкин вернулся к кубку с вином и сорвался, то есть он ушёл в очередной свой запой. И на этот раз уже продолжительный.

Главная ставка киммерийцев каждый год меняла своё местоположение. На этот раз она располагалась на левом берегу Галиса, примерно в трёх фарсах от того места, где тот впадал в Северное море (так тогда на Ближнем Востоке предпочитали называть Чёрное море). Их укреплённый лагерь был не очень большой и состоял всего из четырёх сотен хаотично разбросанных палаток, или точнее из совершенно круглых и по большей части белых шатров, которые ничем друг от друга не отличались, и только шатёр Лигдамиса, их верховного вождя, были внушительный, восьмистенный, и его охраняли отборные воины. Лагерь опоясывали ров и частокол, а у его Южных ворот на колья были насажены около тридцати отрубленных голов. Тут же, в глубоком рву, и около него, валялось около сотни изуродованных и обезглавленных тел. Киммерийцы не предавали земле тела своих врагов. Отрубленные и насаженные на колья головы были с выклеванными глазами и уже потемнели от времени, но над ними по-прежнему вилось вороньё. Оно с шумным карканьем дралось за добычу.

Посольство Великого царя возглавил Ашшурадани, племянник туртана и муж маннейской принцессы Амы. Это была первая его дипломатическая миссия, и к ней он подошёл очень ответственно. В состав посольства входили два переводчика, несколько чиновников из ведомства, занимавшегося сношениями с сопредельными государствами, и две сотни конных гвардейцев. Дары, предназначавшиеся Лигдамису, везли на верблюдах.

Вначале ассирийское посольство, перейдя за излучиной Евфрата северо-западную границу, пересекло Табал, небольшое царство, разделявшее империю и территорию, которую контролировали кочевники, а затем, перевалив через лесистый Тавр, проникло в долину Галиса. По пути следования посольства то и дело попадались сожжённые кочевниками поселения и разрушенные крепости. Когда-то они были заселены, но сейчас их забросили. Прежде эти земли считались восточными областями Фригии, однако несколько десятилетий назад они совершенно обезлюдил и превратились в скифскую пустыню. Фригия, одно время даже бросившая вызов империи, пала под ударами кочевников, и теперь на этой территории господствовали «чёрноколпачники», как называли киммерийцев за их головные уборы. Редкое, ещё остававшееся здесь население, было сильно запугано и при виде ассирийцев тут же пряталось.

Только на пятый день продвижения по киммерийской территории посольство достигло ставки Лигдамиса. Для ассирийцев внутри лагеря выделили несколько палаток, и лишь на пятый день их пожелал принять вождь кочевников.

Лигдамису было чуть за пятьдесят. Он был высок и широк в кости и мало кто из соплеменников мог сравниться с ним по силе, среди них он слыл выдающимся воином. А ещё он был, как скиф, рыжеволос (поговаривали, что его мать являлась не киммерийкой, а скифкой), и носил по киммерийской моде короткую бородку.

Ашшурадан приветствовал верховного вождя киммерийцев. Тот молча выслушал приветствие и после напряжённой паузы произнёс:

– А с чего это вдруг повелитель Ассирии вспомнил обо мне?!

Лигдамис ещё не забыл того, как ассирийцы по просьбе Гига вмешались в войну, вспыхнувшую между кочевниками и лидийцами, и помогли последним взять в ней верх.

– Великий царь предлагает забыть недоразумения, которые прежде не раз возникали между нами, – ответил Лигдамису Ашшурадан. – И в знак примирения мой государь хочет преподнести тебе, вождь, дары.

По знаку Ашшурадана его подчинённые стали вносить в шатёр Лигдамиса подарки, присланные Великим царём. Вначале ассирийцы внесли несколько сундуков с дорогими одеждой, оружием, чашами и кубками. Затем были принесены шкатулки с драгоценными камнями – дары Ашшурбанапала были поистине щедрыми. Великий царь не поскупился и уважил вождя кочевников. Ну а когда ассирийцы начали вносить золотые слитки, а их оказалось на двадцать пять талантов, то глаза Лигдамиса невольно загорелись.

Покушение на преданного Бел-ибни не на шутку встревожило Ашшурбанапала. А когда он узнал, что при этом покушении едва не погибла его сестра, то Ашшурбанапал ещё больше расстроился.

Ашшурбанапал потребовал от Главного глашатая, чтобы наёмные убийцы были немедленно разысканы, допрошены и сурово наказаны. Каждый день Ишмидаган отчитывался перед Великим царём, как идёт следствие и розыск убийц. Однако пока что Главный глашатай ничем не мог порадовать, зато хорошие вести пришли от Ашшурадана.

Вернувшееся от киммерийцев посольство завершилось более чем успешно. Верховный вождь кочевников принял подарки от Великого царя и пообещал начать боевые действия против Лидийского царства в самое ближайшее время.

Глава пятая

Тайный посланник Псамметиха I, Монуэмхет, выдававший себя за обычного купца, возвращался из Вавилона в Египет окольными путями. В этом ему помогали союзные арабы, кочевавшие на севере Аравийского полуострова. Почти месяц Монуэмхет и его люди ехали на верблюдах по раскалённой пустыне, и им только изредка на пути встречались небольшие оазисы. Не раз они попадали под пыльные бури. А однажды буря оказалась настолько сильной, что их караван и вовсе едва не погиб.

Арабы с незапамятных времён враждебно относились к империи, и поэтому они помогали всем её врагам. Так что и Псамметих, и его тайный посланник, вполне могли им доверять. Особенно близким союзником здесь являлся шейх племени Ариби. Ассирийцы неоднократно пытались купить его дружбу, но ни на какое сближение с ними он не шёл. Он постоянно тревожил пограничные провинции империи, нападал на порубежные укрепления и посты, беспощадно сжигал их, и ассирийцы даже были вынуждены назначить за его голову вознаграждение в пять талантов золота. Но до сих пор им так и не удалось его захватить. Он казался как ветер неуловим.

Уже к концу лета Монуэмхет наконец-то добрался до Синая, ну а оттуда было рукой подать до Египта.

Псамметиха и его приближённых не оказалось в Мемфисе, и Монуэмхету пришлось добираться до Фив, где в тот момент находился фараон. А случилось на родине Монуэмхета вот что...

Псамметих вынужден был спешно покинуть столицу. Не мешкая, он отправился в Верхний Египет, потому что ему сообщили, что южные границы его державы в очередной раз осмелились пересечь нубийцы.

Преемник Танутамона, новый царь Куша, Атланерс, никак не мог смириться с тем, что Египет стал независимым, и попытался вновь его подчинить. Для этого он отправил двадцатитысячную армию, которую разделил на два отряда. Первый из них продвигался по левому берегу Нила, а второй – по правому.

Первое столкновение произошло под Сиеной (нынешний Асуан), у первых Нильских порогов. Нубийцы захватили остров Элефантину и разграбили находившиеся на этом острове селения, но не тронули храмы, а затем они осадили Сиену, однако с ходу взять её не смогли, так как это была сильно укреплённая крепость. Тогда они, оставив у неё часть своих сил, двинулись дальше вниз по реке, и Псамметих выступил им навстречу.

Сражение произошло под Нехемом, на левом берегу Нила. Нубийцев было меньше, да они были и хуже вооружены, и поэтому они оказались разгромлены и отброшены к южной границе Египта. Псамметих даже велел одному из своих полководцев, ливийцу Софаксу, с корпусом в пятнадцать тысяч воинов и усиленному отрядом греческих наёмников, вторгнуться в Нубию и захватить её северную столицу – Напату. К тому времени столицей Куша стала Мероэ, расположенная гораздо южнее, а Напата, находившаяся у четвёртых Нильских порогов, превратилась в религиозный центр, где находился знаменитый храм бога Амона, верховного бога египтян. И вообще египтяне считали, что их бог солнца Амон-Ра обитал на священной скале Джеби-Баркал, у подножия которой и находилась Напата. Поэтому Псамметих велел Софаксу не разрушать её и тем более не трогать знаменитый храм, находившийся на священной скале.

Софакс выполнил приказ и захватил Напату, но удержаться в ней не сумел и вскоре отступил на север. Однако после этого похода угроза Египту со стороны Куша окончательно миновала.

После этого цари Куша навсегда оставили попытки подчинить себе соседнюю страну.

Псамметих I принял Монуэмхета в своей фиванской резиденции. Она находилась на берегу искусственного озера, и окружена была к тому же роскошным и очень обширным парком. Неподалеку располагался и один из самых важных египетских храмов- Карнакский. Многочисленные жрецы этого храма составляли целую корпорацию и рьяно поддерживали новую правящую династию Египта.

Монуэмхет давно служил семье Псамметиха, он стал доверенным человеком ещё у отца нынешнего фараона, Нехо I, когда тот был всего лишь номархом в Саисе.

В низком поклоне Монуэмхет приветствовал новоиспечённого фараона.

– Ну, как там поживает мой брат, царь Вавилонии? – спросил своего тайного посланника Псамметих I. – Ты смог встретиться с ним?

– Да, государь. Царь Вавилонии меня пожелал принять! Как ты и предполагал, ему очень не нравится его нынешнее положение, его зависимость от Ниневии! Она его явно тяготит! И он вообще-то был бы рад восстать и бросить вызов Ашшурбанапалу, но до сих пор ещё колеблется. Однако хорошо, что рядом с ним находится такой человек, как визирь, который является его близким родственником. Он отец его старшей жены. Как я заметил, царь Вавилонии подвержен влиянию этого человека. Причём тот влияет на него очень сильно. Кстати, этот Набу-ката-цабат присутствовал при нашем разговоре. И я смог с ним и после аудиенции с царём ещё раз встретиться... Уже без посторонних глаз...

Псамметих I, основатель новой XXVI династии египетских фараонов, восседал на высоком троне, инкрустированном слоновой костью, и на котором ещё принимал иноземных послов и своих подданных знаменитый Рамзес II, правивший пять веков до этого. Псамметих I был среднего роста, худощав и с необычно светлой кожей и рыжеватой копной курчавых волос. Впрочем, многим ливийцам это было свойственно. Они больше походили не на египтян, а на тех же греков. Египтяне именно так изображали на своих картинах этот народ, в отличии от себя (все египтяне были смуглые и черноволосые).

– Ну и что ты узнал о нём? Что за человек этот визирь? – переспросил Псамметих I.

– Государь, я с ним быстро нашёл общий язык, – ответил Монуэмхет. – И я думаю, он нам будет весьма полезен. Но замечу... этот визирь, правая рука царя Вавилонии, сам себе на уме. Даже я так скажу: он очень непростой человек! Впрочем, он с радостью принял наши подарки. Да, до золота этот вавилонянин очень охоч! И он заверил меня, что Вавилония обязательно нас поддержит. И Шамаш-шум-укин бросит вызов Великому царю.

– Когда?

– Подготовка к восстанию там уже началась. И она идёт полным ходом. Что не отнять, так это то, что Набу-ката-цабат- достаточно умён и вполне деятелен. И ещё... Есть всё же одно «но». Он коварен! И от этого никуда не деться... А также о-о-он... хитёр. Хитёр и изворотлив. И скажу прямо: это сущая бестия! Сейчас в Вавилоне, по-видимому, он всё и решает. И всеми значимыми фигурами вертит. В том числе и зятем. Так что, я думаю, вавилоняне от нашего плана не отступят и тоже бросят вызов Ашшурбанапалу. На их стороне также готовы выступить несколько арамейских и халдейских княжеств, такие, к примеру, как Бит-Синмагур и Пуккуду, а также к ним присоединиться должно и Приморье.

– Да-а-аже... даже ассирийская область Приморье?! А наместником там сейчас кто? – новый уточняющий вопрос задал Монуэмхету Псамметих I.

– Там наместником назначен халдей. Один из местных. Князь Набуэль, – ответил тайный посланник.

– Кто-о-о?! Я не ослышался? Ты сказал, Монуэмхет, халдей Набуэль?! Что, Красавчик? – Псамметих привстал с трона, настолько эта новость его поразила.

– Его в общем-то недавно назначили губернатором в эту область, – продолжил своё пояснение Монуэмхет. – Года полтора назад. И я так думаю, здесь не обошлось без влияния царицы-

матери. Это она расстаралась. Я встречался и с Набуэлем. Только для этого мне пришлось сделать крюк и побывать в Дур-Халдаёе, столице Приморья. Князь присоединился к заговорщикам. Меня он в этом заверил.

Как я уже ранее упоминал, несколько лет назад Псамметиху пришлось скрываться в Ассирии от нубийцев, когда Египет временно находился в руках Танутамона, предшественника нынешнего царя Куша, и при Ниневийском дворе так сложилось, что он больше всего сдружился с Ашшурбанапалой и с тогда ещё совсем юным и только-только перебравшемся в Ниневию Набуэлем.

Они с князем постоянно кутили и вообще очень весело проводили время, и тогда их окружали такие же, как и они, разбитные друзья, у них была целая кампания, а ещё вокруг них постоянно вились доступные красотки, отдававшие им по первому желанию. И вино у них лилось рекой.

Бывало нередко и так, что за ночь они сходились с пятью-шестью девицами и не могли запомнить даже имён своих случайных подружек. «Вот же было чудесное и весёлое времечко! Как же они тогда были молоды и как же беззаботно веселились!» Князь-красавчик тогда уже успел приобрести славу первого сердцеда. Он получил её из-за своей привлекательной внешности и умения отменно петь! Его ещё прозвали «князем с золотым голосом». За ним старыми постоянно увивались женщины! Причём сохли по нему не только молодки, но и знатные замужние матроны, для которых приключение с ним становилось смертельно опасным, так, как если бы неверную жену муж застукал бы за изменой, то по суровым ассирийским законам он мог её безнаказано убить на месте. Однако многих матрон и угроза позора и последующей возможной казни не останавливала! Эти женщины теряли голову от одного его взгляда и шли на серьёзный риск. А ещё до Красавчика снизошла даже сама царица-мать, знаменитая Накия-старшая, и он некоторое время являлся чуть ли не официальным её любовником. И потом, когда царица-мать отпустила его от себя, она помогала ему во всём. И именно благодаря ей он начал делать карьеру и в совсем молодом возрасте стал наместником целой области. А это по тому времени было делом удивительным.

– Мда-а-а... Ну и как там поживает Красавчик... то есть князь Набуэль? – переспросил своего тайного посланника фараон.

– По-прежнему так же, как и раньше... Он общителен и любит петь. Впрочем, нет, он стал степеннее. Но так до сих пор не женился и не имеет потомства...

– И что, став наместником, он при этом даже не завёл себе гарем?

– Кажется, нет, гарем у него всё же уже есть. Но он им особо не интересуется. В его гареме всего-то три девицы... К тому же, эти девицы им позабыты и от безделья скучают! Я и об этом узнавал.

– Стра-а-анно. Стра-а-ан-н-но... А он объяснил почему так себя ведёт? Раньше он не был таким... Я хорошо его знаю.

– Он постарался уйти от ответа.

– Ну, хорошо... А он что-то передавал мне?

– Вот это, государь! – и Монуэмхет с поклоном преподнёс Псамметиху несколько папирусных свитков.

Фараон развернул один из них.

В свитке на арамейском были написаны стихи. Псамметих выучил арамейское письмо, ещё находясь в эмиграции в Ниневии, и поэтому без труда прочитал несколько строчек. Это были стихи Амматтеи, возлюбленной Красавчика. Но Псамметих так и не понял смысл этого подарка.

– А на словах князь ничего не передавал? – переспросил фараон.

– Он кое-что сказал. Он сказал, что до сих пор помнит и ценит те дружеские узы, которые вас связывают. А это стихи той женщины, из-за которой он позабыл всех остальных красавиц. Той единственной, которую он теперь любит!

– Мда-а-а уж, – вновь покачал головой фараон, – а Красавчик действительно изменился! Я его не узнаю! Ну, ла-а-адно, продолжай, Монуэмхет!

– Хочу ещё сказать про Элам, государь, – продолжил тайный посланец. – И его не стоит нам сбрасывать со счетов. Элам тоже готов присоединиться к восстанию.

– Что-о? И даже Элам?! – удивился словам Монуэмхета Псамметих.

– Да, да! И даже Элам.

– А ну ка, ну ка... тут объясни мне всё поподробнее... Элам готов к выступлению?! И это несмотря на то, что ещё совсем недавно его в пух и прах разгромили? – удивился Псамметих. Монуэмхет счёл необходимым пояснить:

– Как это не покажется удивительным, господин, но Элам отчасти уже восстановился. И жаждет отомстить за свой недавний разгром. А ещё, по моим сведениям, к восставшим могут примкнуть и мидийцы.

Псамметих ещё больше удивился и, не сдержавшись, покачал вновь головой:

– Ну на-адо же! А что, мидийцы тоже оправились от скифского погрома?

– Ну тут я твёрдо не утверждаю, – замялся Монуэмхет. – Во всяком случае я могу сказать так: на Востоке всё клокочет и кипит. Там подготавливается грандиозное возмущение против империи. Вскоре запылает там всё! Всю Азию охватит пожар! И под ногами ассирийцев загорится земля!

– А что? Это хорошо, это очень даже хорошо! – произнёс Псамметих и на его лице заиграла торжествующая улыбка.

Новости от Монуэмхета были очень обнадеживающими. Псамметих ими был очень доволен.

Псамметих уже позабыл, что когда-то именно ассирийцы помогли ему освободиться от захватчиков-нубийцев, хотя затем на какое-то время ассирийцы и установили свою власть в долине Нила, даже нещадно разграбили Фивы и вывезли в империю одного золота на две с половиной тысячи талантов! Но это уже не злободневно, это ушло в прошлое и им основательно позабыто!

Теперь Псамметих I чувствовал себя достаточно уверенно и мог не сильно опасаться Великого царя, так как у того и без Египта хватало врагов. Они уже обступали империю со всех сторон! А Ашшурбаналп иногда казалось, что этого как будто и не замечал. Или, вернее, ещё не до конца осознавал всю серьёзность назревавших для его державы угроз.

«Но это были проблемы нынешнего Великого царя. Всё когда-то подходит к концу. Так это теперь происходит и с Ассирией. Не вечно же ей над всей ойкуменой властвовать. От её владычества уже почти все устали...»

Примерно в таком ключе думал Псамметих. Хитрый и изворотливый новый хозяин Египта, ещё вчера называвший себя другом Ашшурбаналпа. К такому развитию событий он готовился и был этому только рад.

По возвращении Псамметиха I в Мемфис к фараону прибыли посланцы сразу от двух финикийских царей – от престарелого Баала I, правившего в Тире, и от Якинли, сидевшего на троне в Арваде. Оба царя буквально изнывали от ассирийского ярма и надумали прошупать почву насчёт заключения договора о помощи со стороны Египта в случае, если они решатся на новое восстание. Несколько лет назад они уже поднимали его, и это им обошлось боком, но у финансистов и крупных купцов из обоих городов не было больше сил терпеть те колоссальные поборы, которые на них накладывали ассирийцы.

Псамметих первым принял посланца от Баала.

– Государь, – обратился к первому фараону из XXVI династии финикиец, – если ты осмелишься перейти Синай и вторгнешься в пределы империи, то Тир сразу же встанет на твою сторону! И нас поддержат другие финикийские города! Мы тебя ждём как избавителя от ассирийского владычества. Сказать по правде, у нас уже нет мочи терпеть ассирийцев!

Примерно в том же духе высказался и посланец от царя Арвада.

А ещё через два дня в Мемфис прибыл посланец от лидийского царя Гига. Он сообщил, что верховный вождь киммерийцев Лигдамис принял посольство от Великого царя и пообещал ассирийцам, что начнёт боевые действия против Лидийского царства. Старший сын Лигдамиса, Сандашактра, во главе пятнадцати тысяч киммерийских конников уже вторгся в северо-восточные владения Лидии.

– Ну, что ты на это скажешь? – обратился к вызванному во дворец Монуэмхету Псамметих.

– Я не думаю, что Ашшурбанапал знает обо всех наших замыслах. Он просто реагирует на открытую враждебность Гига, – высказал свою точку зрения Монуэмхет.

– Однако после этого, – заключил Псамметих, – Гиг не сможет полноценно выступить против ассирийцев, ведь ему придётся отбиваться от кочевников...

– Да, по всей видимости, это так, – вынужденно согласился Монуэмхет. – У Гига всё внимание будет уже сосредоточено на «чёрноколпачниках». Они же теперь его не оставят в покое.

После Тулизского разгрома Элам переживал не лучшие времена. Это было уже не то прежнее обширное царство с населением в семь-восемь миллионов человек и которое иногда могло бросать вызов Ассирии.

Самый решительный разгром эламской армии при крепости Тулиз привёл к пленению Теумана и двух его сыновей, и в тот же день они прямо на поле битвы, перед шатром Великого царя, были как овцы зарезаны, и их засолённые головы в качестве главных трофеев Ашшурбанапал увёз в Ниневию. Хотя мало кто в Эламе печалился из-за подобной участи Теумана, так как его ненавидели за то, что он был не просто эпилептиком, а ещё и самодуром, а также оказался необыкновенно жестоким правителем, который не пожалел и убил даже собственную мать.

После этого Ашшурбанапал разделил Элам на несколько уделов и отдал их сыновьям Уртаки, того самого, который правил до Теумана и любовницей которого одно время являлась царица-мать Шильках.

Сыновья Уртаки, спасаясь от злобного дяди, несколько лет прожили при ассирийском дворе, так что Ашшурбанапал им доверял. Старшему сыну Уртаки досталась Мадакта, среднему, Аттахамити, столичные Сузы, а самый младший Тамарити получил область Хидалу по реке Улай. А ещё от власти Элама окончательно освободились персы, осевшие в Аншане и к востоку от него, и горцы-луллубеи, обитавшие на северо-западе, и последними этого же добились и касситы.

Самый старший из сыновей Уртаки, Хумбан-никаш, хотя и любил Мадакту за её очень живописные окрестности и здоровый климат, но всё равно был недоволен тем, что Сузы достались не ему, а его среднему брату. Однако в открытую выразить это недовольство он, конечно же, пока что опасался. Ещё была свежа в памяти расправа ассирийцев над Теуманом и по-прежнему в парке Северного дворца висела его голова в качестве напоминания.

Впрочем, один из сыновей Теумана, Ундаси, с которым Хумбан-никаш дружил и который по счастливой случайности избежал смерти, так как не участвовал в битве при Тулизе, нашёл убежище в Мадакте, и никто не собирался выдавать его ассирийцам. Ундаси принёс присягу на

верность своему новому покровителю, и теперь Хумбан-никаш сделал его генералом и выделил ему несколько тысяч воинов.

Ундаси, после расправы Великого царя над его отцом и двумя братьями, превратился в самого ярого ненавистника Ашшурбанапала, а его покровитель так или иначе, но прислушивался к нему, и постепенно настроение Ундаси стало передаваться и Хумбан-никашу.

Окончательно антиассирийскую позицию Хумбан-никаш занял после того, как в Мадакту для переговоров прибыли доверенные люди от Вавилонского царя. Они сообщили старшему сыну Уртаки, что вскоре по всей Месопотамии разгорится восстание против ассирийцев, и предложили ему примкнуть к спешно создававшейся антиимперской коалиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.